Мне кажется, ты все еще молода. Мертвое сентябрьское солнце проникает сквозь жалюзи в нашу бедную кухню, освещая твое лицо. Я понимаю — вот и все.

Жизнь разломилась, как корабль. Большая часть погребена под толщей воды. Далекий свет огней доходит до берегов. Скоро погаснет и он. Утварь, книги, милые безделки соскользнули с вертикальной палубы. Камерный оркестр четырех, тонущий в темноте, берет последнюю ноту. Чудовищная воронка закрутила нас.

Я вижу тебя среди подернутых осенним тленом деревьев. В светлой марлевой косынке и защитном плаще ты идешь, словно мы ровесники. Грибная палка, сверху обмотанная красной изолентой (чтобы не потерять), выдает возраст. Эту палку сделал человек, которого больше нет. Твой муж, мой названый отец.

Срезав первый крепкий подберезовик, оборачиваюсь. Сердце разрывается от нежности.

Грибной високосный год. В прошлом говорили: «К войне».

Бурые, желтые, крапчатые, от белесых до почти цвета темного шоколада, шляпки грибов. Корзина ломит руки. Перебрасываю ее из одной в другую. Нам предстоит обратный путь от березняка вдоль разбитой дождями лесной дороги к шоссе. Усталым шагом минут двадцать займет. А грибы все выглядывают из травы.

Будто голоса невдалеке. Я подаю тебе знак молчать. Двое молодых людей стоят на холме, у большой канавы. Один страшный, в наколках, поигрывает ножом. Потянуло сигаретным дымом. Парни переговариваются между собой. О чем — не слышу. Стою, затаив дыхание. В подошву сапога впивается сучок поваленной древесины. Боюсь шевельнуться, чтобы не наделать шуму. Женщинам опасно ходить по лесам. Разное может случиться.

Когда судьба забирает у женщины ее мужчину, она поднимает и несет его оружие.

Холм пуст. Двое скрылись, но опасность еще висит в воздухе. От напряжения пересохло во рту.

Мы возвращаемся в сумерках к машине. Появился просвет неба с чернильными облаками. На западе тает полоса терракоты. Солнце зашло, и сразу холодом обдало спину. Стрижи носятся вдоль линии высоковольтных передач. Давно эти тревожные птицы с острыми крылами не летают над нашим садом. Пуст старый скворечник. Дятел разорил гнездо, выбрасывая чужой скарб, — прутики и сухая трава летят на землю. Пара стрижей беспомощно кружит над ним. Больше я их не вижу. Почти физическую боль причинила мне эта сцена. Не по размерам оказалось гнездо дятлу. Раздерганная пакля застряла в отверстии скворечника. Она будет вздрагивать на ветру до тех пор, пока ее не смоет дождями.

В последний раз перед зимой оборачиваюсь на лес. Кто знает, вернемся ли мы сюда? Сможем ли уцелеть, не выронив оружия? После нас его нести будет некому.

Ты рядом, в морщинке застыла вода. Мы держимся за руки. Перед расставанием. Разные страны, ночи, минуты. Я оставляю тебя в одиночестве, чтобы не сгинуть обеим. Плюшевый

мышонок, с которым играл наш кот Амур много лет назад, и размашистая пальма, выращенная из испанского семечка, остаются с тобой. Разлука вынюхивает меня с тех пор, как я впервые произнесла твое имя. Не научившись быть ни женой, ни матерью, я — вечная дочь. Кто виноват?

Кого винить в гибели «Титаника»?

Судьба. Едкий пепел сердец.

Осень пахнет яблоками. В этом году урожай. Они падают с глухим стуком.

Сегодня у нас особый день. Его надо преодолеть.

К полудню приехал Куранов. После двадцати совместных лет понадобился миг, чтобы взорвать вселенную. Осквернить память. Нас ничего не связывает. Кроме смертей. Осталось смутное видение прошлого, как он подходит и целует в волосы. В затылок. Я больше не знаю его. Передо мной чужеродец. Мы садимся за раскладной полированный столик на дрожащих ножках, жалкий, словно теленок на бойне. Впервые за долгие годы не собран синий в белую полоску шатер. Не вынесены плетеные стулья и стол на площадку. Некому. Да и незачем.

— Хочешь кофе?

Я смотрю ему прямо в глаза. Чтобы лучше понять образ библейского Иуды.

«Что делаешь, делай скорее», — сказал Иисус. После чего Иуда вышел и предал его, выдав первосвященникам за 30 сребреников.

— Знаешь, я счастлив, — говорит Куранов, как в чеховской пьесе, глядя на старую яблоню, которую давно никто не подрезал.

— Ты никогда не будешь счастливым, — отвечаю я, ставя две кофейные чашки. — Ты не умеешь любить.

Запах крепкого кофе. Аромат, волнующий больше, чем напиток.

Ему нечем крыть. Болезненная пустота глаз. Лицо человека, обманувшего собственную жизнь. Она платит ему сполна, заставляя есть хлеб, который он всегда презирал.

Канун Нового, 1989 года. Мокрый снег ложится на мои непокрытые волосы. Я бесстрашна, защищенная юностью. Мы стоим на продуваемой ветром платформе в ожидании поезда.

Я и парень, не сводящий с меня взгляда. Стеклянный «аквариум» со скамейками. Внутри толпится народ. Но снег еще просто снег. Без аллюзий.

— Что тебе от меня надо?

Кажется, мы из одной школы.

Он едет по каким-то делам и вдруг сворачивает с пути, следуя за мной.

Я в бешенстве, потому что мне не нужен парень.

— Меня зовут Александр, — говорит он, садясь напротив.

Отворачиваюсь к окну. Бетонные строения, освещенные редкими станционными огнями, выглядят так, словно только что закончилась бомбежка. Я смотрю на него, как сейчас, в упор и шепчу: «У тебя нет шанса».

Он настойчив в маниакальном желании завладеть тем, что ему не принадлежит по рождению. Разность классов. Идей. Воспитаний. Понимание придет позже.

В течение трех лет он топчется у закрытых дверей, слушая мой бешеный крик. Болезнь моя, мечта о другом, несбывшемся, постепенно превращается в руины.

Я лежу на полу, уставившись в потолочную балку.

— Ты обещал отвезти меня в Венецию, — говорю, с трудом возвращаясь из прошлого.

— Обещал.

Он откусывает от спелого яблока. Брызги летят, оставляя влажные пятна на моей шелковой рубашке.

— Знаешь что?

— Что?

— Кошка трется о ноги там, где ей бросили кусок. Ты решил, что у чужого стола кусок жирнее? Ты в ловушке. У тебя нет выхода, Александр.

Не докурив, он тушит сигарету.

Я откинулась назад. На спинку стула. Как головокружительно небо. Как густы сосновые ветви. Но больше не зелены. Что случилось с ними? Отчего пожелтели иголки? Фрагменты, обрывки мыслей. Почему-то именно сейчас мне необходимо вспомнить название одного старого фильма.

Женщина после смерти мужа едет в Венецию. Траур не окончен. И вдруг она случайно встречает молодого человека. Идет дождь. Где бы ни происходило действие — идет дождь. Капли на стекле. Струи из водостоков. Падающий в прихожей зонт оставляет мокрую дорожку на плитке. Чувство охватывает обоих. Она старше избранника на одиннадцать лет. Пара заказывает отель. А потом они ходят по Сан-Марко, пьют вино, блуждают в узких венецианских лабиринтах. И снова заходят выпить вина и выкурить по сигарете. Тихо. Слышно, как вода бьется снаружи. Странная венецианская красота. Есть в ней что-то отталкивающее. Туристов мало — не сезон. Туман набегает на город и окутывает желтые фонари. Делая их свет ватным. Ни одной откровенной сцены. И все будто происходит с тобой, от приливов крови к лицу, неснятых чулок, опрокинутого случайно ночника до перебоев дыхания от избытка счастья и полного одиночества.

Слишком поздно для нее. Почему так поздно приходит счастье? Когда душа отторгает дары.

«Зябко», — говорит она, улыбаясь.

Мужчина обнимает ее за плечи. В одной из лавочек она покупает венецианскую маску. Они так делали с мужем. Привозили из разных стран безделушки и развешивали их по стенам.

«Красивая?» — спрашивает женщина, проводя рукой по переливистым перьям.

Он кивает в ответ. Хотя маска вызывает в нем отвращение.

Она всегда мечтала о Венеции. Пахнущей сыростью и старыми домами.

— Знаешь, — говорит женщина, — сегодня ночью мне приснилась подруга моей юности. В последнем классе она сошлась с другой девочкой. Я осталась одна. Прошло время. Мы встретились спустя много лет. Тайну разрыва она так и не выдала. Не смогла. Я ее не простила. У меня не было желания мести. Боль была почти невыносимая. С годами все переросло в равнодушие. Гораздо сложнее, если боль становится презрением.

— Твой муж…

Женщина отрицательно покачала головой:

— Нет, он умер. Просто умер.

Они стоят и смотрят на зыбкую воду.

— Ты ни на кого не похожа, — говорит он.

На следующее утро она сидит в фойе отеля за чашкой кофе с журналом в руках. Завтрак окончен, официанты убрали со столов.

— Что ты читаешь?

— Каждый имеет право на добровольный уход, верно?

Женщина подняла на него глаза.

— Чтооо? — переспросил он.

— Ничего. Читаю статью. Эвтаназия. Всего три тысячи швейцарских франков. И пять за то, чтобы развеять прах.

И она рассмеялась.

А потом Венеция кончилась. И женщина пропала. Телефоны не отвечали. Ее дом был заперт. Тощая соседка с бледным ребенком на руках вышла на стук в дверь:

— У нас нет звонка. Некому починить.

К юбке жалась девочка лет четырех, со спутанными волосами.

— Вы в тридцатую? Жанна уехала, — сказала соседка, целуя младшего.

— Как уехала? — опешил мужчина. — Куда?

Она порылась в кармане рваного халата и достала обрывок бумаги.

— Смотреть фьорды. Не знаю, что это такое, — сказала она и захлопнула дверь.

В полдень мы собираемся на кладбище.

— Александр, останови здесь, — просит мама.

Она идет купить искусственных цветов.

Мы ждем в машине с треснувшим лобовым стеклом. В салоне разруха. Под ногами грязь.

— Помнится, ты всегда следил за чистотой, — говорю я.

— Следил, — отвечает он.

Бесконечность дороги.

Мы перебрасываемся парой колкостей. Каждый поворот головы, движение, слово — ложь. Воздух впивается в кожу.

Куранов не оторвался от меня. Это знание не приносит ничего, кроме отравы.

Новенький памятник, который мы выбирали всю последнюю неделю августа, установлен. Третий от края.

Работа закончена. Ни травинки. Рабочие подсыпали песку.

— Привет, Иван! — заискивающе кричит Куранов могильщику. Словно рыл вместе с ним яму.

Тот не повернул головы, будто оглох.

За четыре года холм изрядно просел. Небольшой белый крест на черном граните.

Наш мертвый смотрит на нас вполоборота с улыбкой.

Мама плачет, и я не знаю, куда мне деться от вездесущей скорби.

А потом она идет вдоль оград и сбивает руками молодые поросли ясеня. Маленькая, как ребенок. Корабль, на котором мы плыли, спроектированный лучшими инженерами, с лучшим в мире капитаном, налетел на айсберг.

— Когда ты уезжаешь? — спрашивает Куранов на обратном пути.

— Через неделю.

— Бумагу о разводе взяла?

— Нет.

Хорошо, что наших слов не слышит его мать. Она лежит рядом. В пяти минутах ходьбы.

Он везет нас в кафе, где мы пьем «темное» вино памяти.

— Прощай, — говорю я.

— Прощай.

— Да, и еще вот что, — говорю я, делая паузу. Куранов на мгновение замирает. — Незаменимые есть.

Через толстое стекло вижу, как разворачивается синий внедорожник.

Я подзываю официантку и заказываю еще бутылку. Вино настолько терпкое, что обжигает внутренности. Но не пьянит. Мама больше не плачет. Она говорит, говорит.

Я совсем забыла о сестре. Она следует за нами как тень. Тень своего мертвого брата. Ей так хотелось приблизиться к моему бывшему мужу. Пожалеть его, как всякой русской женщине, растворившейся в мужской природе. Как жалеют калек, неполноценных. Вложив в голосовые интонации все самопожертвование.

Если бы не я.

Она высыпает на стол старые фотографии. Мы рассматриваем молодость, которой больше нет.

— Пора уже вам *его* забыть, — вдруг говорит сестра.

— *Забыть?*

Она поджимает губы.

Я внимательно изучаю плоское лицо. Жидкие волосы, окрашенные хной, стрижены под каре. Ей так и не удалось выйти замуж. Пустоту заполнил Бог. Фанатичная набожность не имеет души. В груди у таких, как она, — дыра. И сквозь дыру текут нескончаемые строки молитвенных правил.

Подъехало такси. Мы завозим сестру в пустую квартиру и разворачиваемся к дому.

— Сколько?

— Семьсот, — отвечает таксист с ухмылкой.

Спорить с ним бесполезно. Две женщины в ночи. Две женщины в лесу. Нас окружает мир зверья. Это не они — мы у них в гостях.

Фары освещают номер дома, крупные цифры на белом фоне.

— Ни о чем не надо жалеть, мама.

Она соглашается безропотно, принимая обстоятельства жизни.

И меня разрывает на части от уязвимости нашего мира.

«Не сопротивляться. Бросить весла. Куда вывезет».

Запах мокрой земли, прощающегося с летом сада. Последние цветы облетели.

Я присаживаюсь на ступеньку, пытаясь удержать мгновения. Они похожи на красных рыб, ускользающих по дну прозрачного водоема. Я знаю, что водоем замкнут. Деться им некуда, но чудо: рыб я больше не вижу. Изогнув легкие позвоночники, они распадаются на мириады искр и гаснут в воде.

— Посидим немного?

Я поджимаю ноги на старом кухонном диване, положив голову на материнское плечо.

Скоро нам предстоит разлука.